

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (Н. ЯЗЫКОВ «ЕВПАТИЙ», Л. МЕЙ «ПЕСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА», С. ЕСЕНИН «ПЕСНЬ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ»)

Л. Я. Бобрицких

Воронежский государственный университет

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье является поэтическая транскрипция образа Евпатия Коловрата в произведениях Н. Языкова, Л. Мея, С. Есенина. Трансформации образа героя Древней Руси связаны с мировосприятием поэтов, их литературными устремлениями, философско-эстетическими взглядами.

Ключевые слова: образ, баллада, поэма, Евпатий Коловрат, Н. Языков, Л. Мей, С. Есенин.

Abstract: The subject of the article is a poetic way of transcription Evpatiy Kolovrat's image in the works of N. Yazikov, L. Mey, S. Esenin. Image transformation of the Ancient Russian hero is related to the poet's perception of the world, their literary aspirations, philosophical and aesthetic views.

Key words: image, ballad, poem, Yevpatiy Kolovrat, N. Yazikov, L. Mey, S. Esenin.

В 1237 г. основные силы Золотой Орды во главе с Бату-ханом (Батыем) подошли к границам северо-восточной Руси. Первый удар степные кочевники нанесли по Рязани. В неравном бою рязанская дружина была разбита, а сам город до основания разрушен.

Один из героических эпизодов борьбы русского народа с татаро-монгольским нашествием связан с подвигом рязанского вельможи Евпатия Коловрата. Получив широкое отражение в народной поэзии (предания, сказания, исторические песни) и памятниках древнерусской литературы («Повесть о разорении Рязани Батыем»), подвиг Евпатия нашел свое воплощение и в литературе Нового времени, в частности в поэзии. Обратимся к конкретным именам.

Н. М. Языков известен не только как автор замечательных стихов, но и как собиратель русского фольклора. Начиная с 1831 года вместе с П. Киреевским он записывает народные песни в Подмоскovie. «Поэтическая душа Языкова радостно и живо откликалась на песни безвестных поэтов из народа, долетавшие до его чуткого слуха» [1, 103]. Фольклорно-собираТЕЛЬСкая деятельность продолжилась и в Симбирске, в родовом имении Языковых. Поэт погрузился в стихию народных песен, преданий, столь им любимую с детства. Во многом благодаря Языкову и его семье сохранились поволжские былины, рассказывающие о борьбе с монголо-татарами.

«Русская старина представала перед Языковым как эпоха, “когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером”...» [2, 9], поэтому его так привлекали образы героических защитников Русской земли.

В 1824 году Языков пишет романтическую балладу «Евпатий». Начинается произведение с того, что гонец сообщает Евпатию «ужасную весть» о трагедии, разыгравшейся в Рязанской земле. Из его рассказа герой, а вместе с ним и читатель, узнает о приходе Батыя на Русь, о «злой сече» между дружиной князя Юрия Ингоревича и татарами. Рязанское воинство сражалось храбро и мужественно, однако силы были неравными. Картины битвы воссоздают такие средства художественной выразительности, как эпитет «смертельный бой», метафора «...долго сражалась с насилием честь...», метонимия «...сильные долго шибились ударами...» [3, 51] и др. Как видим, Языков использует здесь лексику разных стилей – от высоких слов до разговорных, что является характерной особенностью его поэтики.

Разгромив русскую дружину, ордынцы двинулись на Рязань и после пятидневной осады ворвались в город. Они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей: «И крики последних молитв и проклятий В дыму заглушали звенящий булат – Все пало...» [3, 51–52] (Ср. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша» [4, 190]).

Для усиления переживаний рассказчика поэт использует яркие, образные эпитеты («багровое пламя», «звенящий булат»), нагнетает сравнения (пламя, «как башня, спрямилось, как буря, завыло...»), использует анафорические обороты («Там сильные долго шибились удары, Там долго сражалась с насилием честь...» [3, 51], периодическое построение речи («Период – в риторике пространное сложно-подчиненное предложение, отличающееся полнотой развертывания мысли и законченностью интонации» [5, 267]). Как писал Гоголь, «имя Языков пришлось ему недаром: владеет он языком, как араб

диким конем своим <...> Откуда ни начнет период, с головы ли, с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный» [6, 160].

Рассказ гонца, как показывают приведенные примеры, отличается образностью и эмоциональностью, чему также способствуют архаизмы («град», «рати», «витязь») и риторические восклицания («Наш град – пепелище, и князь наш убит!» [3, 51], «...и небо стерпело сей ад!» [3, 52]. Состояние Евпатия передает последний стих в первых двух строфах, в котором меняется только эпитет, приобретая более яркую окраску:

И, страшно бледнея, внимает Евпатий. [3, 51]

Ужасно бледнея, внимает Евпатий. [3, 52]

Действие баллады разворачивается стремительно (динамику стихотворению придает и четырехстопный амфибрахий). Поэт переносит нас в «широкую долину», где «грозная рать победителя хана покоится» [3, 52]. Однако беспокойно на душе у врага: «Черной тревожимый грезой, Татарин... то, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит, То схватит свое боевое железо» [3, 52]. Появление русских витязей посеяло страшную панику в стане Батыя, что выражается риторическими вопросами: «Откуда ж свершитель отчаянной кары?», «Не все ли погибло в крови и в огне?» [3, 52].

Баллада пронизана возвышенно-романтическим пафосом. В осознании прошлого как эпохи борьбы за свободу Языков был близок к декабристам. Отсюда эмоционально-экспрессивная лексика, выражающая патриотические чувства поэта («Отчизна», «под латами чести», «с последним ударом решительной мести», «долина убийства и славы», «воитель свободы»).

Вместе с тем эпитеты, сравнения, параллелизмы, встречающиеся в стихотворении, связаны с народной песенной традицией: «Не синее море кипит и шумит <...> Шумят и волнуются ратники хана...» [3, 52], «Толпы за толпами, как тучи густые...» [3, 52]. Одним из основных приемов в описании битвы является гипербола: «Сто копий сражаются с русским копьем...» [3, 52] (Ср. в «Повести...»: «...един бьяшеся с тысящей, а два с тмою» [4, 188]).

Последние строки баллады полны элегических раздумий. На фоне ночного пейзажа («Редет ночного тумана покров, Утихла долина убийства и славы...» [3, 52]) изображается погибший богатырь:

Кто сей на долине убийства и славы

Лежит, окруженный телами врагов? [3, 52]

Здесь явная отсылка к народной солдатской песне. Ср.:

Как под кустиком под ракитовым

Что лежит убит добрый молодец,

Избит, изранен и исколот весь. [7, 279]

Само описание подвига Евпатия в стихотворении отсутствует, но финальные строки: «Уста уж не кличут бестрепетных братий <...> А длань еще держит

кровавый булат...» [3, 52] – красноречиво говорят о том, что герой сражался стойко и мужественно, до конца исполнив свой воинский долг.

Л. Мея также привлекали характеры сильные, героические («Песня про боярина Евпатия Коловрата», «Александр Невский» и др.). Удаливость и богатырский размах в русском характере связаны у него с патриотическим подвигом: его с «помощью божией» совершают «благотворные» и «благоверные» русские витязи, поборники не только свободы родины, но и православной веры.

Мей берет эпизоды из далекого прошлого, близкие легендам, перелагает их стихами с минимальным домислом, приводя и сами источники: все эти «старинны» документированы примечаниями с соответствующими обширными цитатами из историков. Для произведений Мея характерна идеализация «старого доброго времени». Они отражают постоянный, напряженный интерес поэта к страницам героической борьбы народа за свою свободу и независимость.

«Песня про боярина Евпатия Коловрата» своего рода «Повесть о разорении Рязани Батыем» в стихах. Однако, в отличие от древнерусского памятника, поэма Мея включает в себя несколько эпизодов, которых нет в «Повести...»: свадьба князя Федора Юрьевича с византийской царевной Евпраксией (в древнерусском тексте только упоминается, что Федор Юрьевич «имѣет у собе княгиню от царьска рода» [4, 186]), влюбленность в нее Евпатия, предательство «княженецкого тысяцкого» Нездильы (в «Повести...» – «нѣкий от велмож резанских» [4, 186]).

Евпатий изображается как человек честный, благородный. Беззаветно влюбленный в Евпраксию, он просит князя Юрия отпустить его в Чернигов к князю Игорю: «Может, вместе сходил бы на половцев...» [8, 138]. Автор нарушает факты: Игорь княжил в Чернигове до 1202 года. Видимо, здесь сказались отголоски «Слова о полку Игореве», над поэтическим переложением которого работал Мей. На просьбу князя Юрия остаться на свадьбу его сына, княжича Федора, Евпатий отвечает:

...Не прогневайся:

Я зарок себе дал перед образом

Самому не жениться, не бабиться,

Да и вчуже на свадьбе не праздновать... [8, 138]

Сцену прощания «крестовых братьев» поэт рисует с помощью постоянных эпитетов («другу милому», «удалого витязя»), тавтологического оборота «обнял... крепко-накрепко».

В дальнейшем события в поэме совпадают с содержанием древнерусского памятника: приход к границам Рязанской земли несметных полчищ Батыя, рязанское посольство к нему во главе с Федором Юрьевичем и его гибель, смерть Евпраксии с сыном Иваном Постником, сражение дружины Юрия Ингоревича с татарами и взятие Рязани). Обо

всем Мей рассказывает эмоционально, образно, используя различные средства русского фольклора, например постоянные эпитеты («*красное солнышко*», «*в синем море*», «*красные девицы*», «*стольному городу*», «*слезами горючими*»); из народной поэзии поэт черпает и отдельные метафоры, сравнения («*...заря занималась на небе...*» [8, 154], «*...сыр-бор зашатался...*» [8, 152]; «*молодые... будто солнышко с зорькой вечернею*» [8, 137]); тавтологические обороты («*хлебом-солью*», «*ковыль-травой*», «*утомились-умаялись*»).

С народной поэтической традицией связана в поэме песенная символика. Так, княжич Федор с Евпраксией что «*сизый голубь с голубкою ласковой*», а Евпатий – «*ясный сокол*», для которого главное – «вольный простор вокруг да около». Мей использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами («*зорюшка*», «*казнобушка*», «*молодушкой*», «*голубушку*» и др.), что придает тексту особый лиризм. Поэт также употребляет размеры и обороты народного песенного репертуара, имитирует былинный стих.

После разорения Рязани автор переносит нас в Чернигов, где гостит Евпатий Коловрат. Ничто не радует молодца: ни «*приволье раздольное, Молодецкая ширь необъездная*» [8, 148], ни «*река*», ни «*лесок*».

Едет по степи витязь Евпатий, да невесел...

На руке дремлет кричит остроженный <...>

Только, знать, самому затуманила

Очи зоркие греза налетная... [8, 149].

И только рассказ Ополоницы возвращает героя к действительности.

Сражение Евпатиева полка с татарскими ордами в поэме, как и в древнерусском памятнике, является кульминацией произведения. Картина битвы рисуется Меем с помощью приемов, характерных для народной поэзии: параллелизма («*...сыр-бор зашатался вот словно бурюю <...> ломятся ставки и валяются*» [8, 152]), метафоры («*...стон поднялся вдоль по стану ордынскому*», «*От брони и кольчуг искры сыплются...*» [8, 153]), гиперболы («*Полилася рекой кровь горячая...*» [8, 153]). Суматоху в стане врага передают сравнения: «*...ордынцы совсем обеспамятели, Точно пьяные или безумные*», «*...ордынки развылились волчихами...*» [8, 153]. Нападение русичей было столь неожиданным, что враги «вопили» в «страхе и ужасе»: «*Мертвецы, мертвецы встали русские, Встали с поля рязанцы убитые!*» [8, 153] (Ср. в «Повести...»: «*Татарове мяша, яко мертви восташа*» [4, 190]).

Особое место в этой части поэмы занимает рассказ о поединке Евпатия с шурином Батыя Хоздоврулом. Похвалялся перед царем татарин: «*Живьем возьму, За седлом приведу к тебе русского витязя*» [8, 154]. «*Барсом*» налетел он на Евпатия, «только не в пору: Исполин был Евпатий от младости силою – И мечом раскроил Хоздоврула он на-полю До седла...» [8, 155].

То, как герой со своей малой дружиной («*Всей дружины-то было ль две тысячи...*» [8, 154]) громит ряды ордынцев, что «шли черною тучею»; похвальба Хоздоврула привести Евпатия к Батыю живым, которого рязанский удалец, как киевские богатыри, рассекает «на-полю до седла», – все это эпические черты, хорошо известные былинам. Сам Евпатий под стать богатырям русских былин. Он наделен гиперболической силой, мужеством и отвагой. Он живое олицетворение героического подвига всего русского народа, который не может мириться с поработителями и стремится отомстить за поруганную землю.

Евпатий наказывает предателя Нездилу («*...разбил его о землю вдребезги...*» [8, 155]), нещадно бьет татар, преследуя их «до самой до ставки Батыевой», чем вызывает уважение и восхищение врагов. Когда принесли «перед очи Батыевы» тело «усопшего витязя», одолеть которого смогли только с помощью «*пороков, орудий... стенобитных*», изумился хан «*красоте его, силе и крепости*» и отдал тело рязанским дружинникам, что были взяты в плен татарами, отпустив их со словами:

Погребите вы батыря вашего с честью,

По законам своим и обычаям,

Чтоб и внуки могиле его поклонялися. [8, 156]

«Песнь о Евпатии Коловрате» С. Есенина имеет две редакции. Первоначальная редакция, датированная 1912 годом, была напечатана в 1918 году в газете «Голос трудового крестьянства» под названием «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, о цвете троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе». В 1925 году для «Собрания стихотворений» Есенин создал новую редакцию, значительно отличающуюся от первой не только меньшим объемом (35 строф вместо 56), заглавием, но и содержанием. В окончательной редакции поэт освобождает свою «Песнь...» от религиозных образов и церковной лексики. «Он стремится сделать поэму более реалистической, приблизив ее форму и содержание к народно-поэтическим памятникам о борьбе русского народа с татарским нашествием» [9, 128].

В поэме Есенин «воспевает “смелую доблесть” своих предков-рязанцев, вставших на защиту земли Русской от орд Батыя» [9, 127]:

От Ольшан до Швивой Заводи

Знают песни про Евпатия.

Их поют от белой вызнати

До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,

Да ни слову не уважено,

Не сочесть похвал той удали,

Не ославить смелой доблести. [10, 325]

Сюжет «Песни...» Есенина во многом отличается от той части «Повести о разорении Рязани Батыем», где рассказывается о подвиге Евпатия Коловрата.

Как справедливо заметила Л. Бельская, поэт стремился «запечатлеть не картины воинских столкновений, а детали быта, создать психологический портрет главного героя, вплоть до его привычек и занятий», пытался «объяснить причины поражения Руси и гибели Евпатия» [11, 207]. Есенин демократизирует его образ (в отличие от «Повести...», где Евпатий является рязанским вельможей, в поэме Есенина он кузнец-силач, выразитель патриотических настроений народа), противопоставив его «лютому ханищу» Батыю, издевающемуся над мертвым врагом.

Произведение Есенина тесно связано с устной народной поэзией. Так, облик Евпатия нарисован в былинном стиле: герой «пешнёвые угорины Двумя пальцами вытягивал» [10, 325]. Поэт наделил его чертами доброго хозяина («Много лонешнего смолота В закромах его затулено» [10, 325]), завидного жениха («Не один рукав молодухек, Утираясь, продырявился» [10, 325]) и удалого молодца с «ножиком сеченым за голенищем». И зовут-то его «боярове» на помощь («Ой ты, лазушный баторе, Выручай ты Русь от лихости!» [10, 326]), как звали в древности богатырей. Ср. в былине «Илья Муромец и Калинцарь»:

И говорил-то он (Владимир. – Л. Б.) Илье да таковы слова:

-- Ай же старья казак да Илья Муромец!

Наш-то Киев-град нынь в полону стоит <...>

А постой-ко ты за веру за отечество,

И постой-ко ты за славный Киев-град,

Да постой-ко за матушки Божьи церкви...

[12, 118]

Герою Есенина присущи не только храбрость и удалство, но и мудрость. Он предостерегает своих товарищей о губительном действии «зелена вина»:

Зелено вино – мыслям пагуба,

Телесам оно – что коса траве,

Налетят на вас злые вороги

И развеют вас по соломинке! [10, 327]

Но не вняли «бражники» речам «батыря», что привело к трагическому исходу:

А рязанцам стать –

Только спьяну спать;

Не в бою бы быть,

А в снопах лежать. [10, 327]

В отличие от былинных богатырей, доблестно сражающихся с «вражьей силой», Евпатий у Есенина – миротворец: во время схватки с Батыем не меч он «вытянул», а «свеча в руках затеплилась».

Евпатий противопоставлен жестокому и немилосердному царю Батыю. Образ последнего поэт создает в соответствии с былинной традицией (см. былины «Илья Муромец и Идолище», «Алеша Попович и Тугарин» и др.): на коне он сидит «на выпячи», «...жует, слюнявя бороду, Кус подохлой кобылятины», говорит «псиным голосом» [10, 325], «с губ бежит

слюна капучая» [10, 327]. В финале поэмы Батый глумится над русским воинством: велит из черепа Евпатия сделать себе чашу для вина («чашу... сивушную») и похваляется, что вся сила русская сгодилась только на то, чтобы тын городить. Здесь явная перекличка с «Повестью временных лет», где описывается гибель князя Святослава в бою с печенегами: «И нападе на нь Куря, князь печенѣжский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашу, оковавше лобѣ его, и пяху из него» [13, 88].

Связь «Песни...» Есенина с фольклором заметна и в ее структуре, «лишенной книжности и впитавшей различные элементы устной речи» [14, 84].

Из традиционно-фольклорных конструкций Есенин наиболее часто использует параллелизм:

Ой, не зымя лузга-заманница

Запоршила переточкины,—

Подымались злы татаровья

На Зарайскую сторонушку. [10, 324]

Наряду с параллелизмом в его отрицательной форме, в «Песни...» встречается и такой характерный для фольклора тип анафорического образа: «*Не заря течет за Коломною, Не пожар стоит над путиною...*» [10, 327], «*Не сочесть похвал той удали, Не ославить смелой доблести*» [10, 325].

В обилии представлены в поэме характерные для устного творчества речевые обороты: «*Ой, текут кровя сугорами...*» [10, 325], «*Ой, не колоб в поле катится...*» [10, 326]; «*Ой ты, лазушный баторе...*» [10, 326]. Из устной речи заимствует поэт и такое соединение слов: «*кузню-крыницу*», «*путь-дороженьку*», «*пира-пображни*» и т. п.

Местный характер использованных Есениным источников подтверждается и обилием областных слов и выражений. Прав был П. Юшин, утверждавший, что «многие из них были хорошо известны на его (поэта. – Л. Б.) родине, и в пору создания “Сказания...” он мог не ощущать их как диалектизмы» [14, 85]. Исследователь приводит ряд таких слов, как, например, *вентерь* – рыболовный снаряд из ниток. В отличие от верши, имеет сделанные из таких же ниток крылья. В «Песни...»: «*За поемами Улыбыша Кружат облачные вентери*» [10, 324].

Лузгой в Рязанской губернии называется мякина, получаемая при переработке проса в пшено. В поэме она уподоблена пороше: «*Ой, не зымя лузга-заманница Запоршила переточкины*» [10, 324]. В процессе переработки проса в пшено облако лузги, как пороша, оседало вокруг мельницы.

Итак, как показал анализ, образ Евпатия Коловрата нашел яркое отражение в русской поэзии, причем воплощается он авторами по-разному, в зависимости от их художественных задач. Так, в балладе Языкова образ Евпатия предельно обобщен, лишен каких-либо индивидуальных черт, так как для поэта-романтика важнее было передать общий дух патриотизма русского народа в борьбе с татарским наше-

ствием, нежели изобразить подвиг одного конкретного человека (хотя имя героя вынесено в заглавие стихотворения). Мей, опираясь на фольклорные и книжные традиции, создает целостный образ защитника Руси, честного, благородного в любви и дружбе, беспощадного к врагам и изменникам родины. Есенин же, в отличие от своих предшественников, оригинально трактует исторические события, придавая им общенациональный масштаб, одновременно углубляя психологический подтекст произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языкова Е. В. Творчество Н. М. Языкова: Книга для учителя / Е. В. Языкова. – М. : Просвещение, 1990. – 144 с.
2. Кошелев В. А. Блаженная страна Николая Языкова / В. А. Кошелев // Литература в школе. – 1992. – № 3-4. – С. 4-14.
3. Языков Н. М. Сочинения / Н. М. Языков; [сост., вступ. ст., примеч. А. А. Карпова]. – Л. : Худож. лит., 1982. – 448 с.
4. Повесть о разорении Рязани Батыем / [подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева] // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 184-199, 554-559.
5. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : Провинция, 1974. – 509 с.
6. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953. – Т. 6. Избранные статьи и письма. – 456 с.
7. Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия: учеб. пособие для пед. ин-тов / сост. М. А. Вавилова, В. А. Василенко, В. И. Игнатов и др.; под ред. А. М. Новиковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 511 с.
8. Мей Л. А. Стихотворения / Л. А. Мей; [сост., вступ. ст. и примеч. К. К. Бухмейер]. – М.: Сов. Россия, 1985. – 256 с.
9. Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха / Ю. Л. Прокушев. – 5-е изд., дораб. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 349 с.
10. Есенин С. А. Собр. соч.: в 2 т. / С. А. Есенин; [сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева]. – М. : Сов. Россия: Современник, 1990. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – 480 с.
11. Бельская Л. К вопросу о первой поэме Сергея Есенина / Л. Бельская // Рус. лит-ра. – 1966. – № 3. – С. 207-209.
12. Былины / вступ. ст. В. Калугина. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 512 с.
13. Повесть временных лет / подгот. текста О. В. Творогова, пер. и коммент. Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 22-227, 418-451.
14. Юшин П. Ф. Поэзия Сергея Есенина 1910 – 1923 годов / П. Ф. Юшин. – Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 319 с.

*Воронежский государственный университет
Бобрицких Л. Я., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы
E-mail: kafruslit@gmail.com*

*Voronezh State University
Bobritskikh L. Ya., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Literature Department
E-mail: kafruslit@gmail.com*